

И ю л ь 2 0 0 7 г.

Письмо Володи Опекунова от 2 июля 2007 г.

Александр Андреевич, я вернулся из Калининграда. Впечатлений много. Оформляю их в виде письма Лебле. Написал 5 страниц из 20 планируемых. Все были довольны, особенно Шевчук, когда Слежкин сообщил ему, что Опекунов привез письмо от Намгаладзе. Задушевно пел перед микрофоном. Еле расстались. Слежкин внимательно следил за тем, чтобы все разъехались по домам, в последующие дни сам ездил на вокзал и отправлял людей. Кто-то потерялся во времени и на сутки позднее установленного пытался сесть на свой поезд. Еду на дачу, там все заросло сорняками.

Удачной Вам рыбалки! Володя Опекунов.

2.07.07

Письмо Володи Опекунова от 9 июля 2007 г.

Александр Андреевич!

Высылаю Вам отчет о встрече однокурсников, который я оформил в виде открытого письма Лебле. Вместе с описаниями событий я привожу и свои мысли, в виде комментариев к событиям. Встреча прошла по моему мнению на хорошем уровне. Как будто и не было прожитых нами 35 лет. Все узнали друг друга, обстановка была очень доброжелательной. К преподавателям было самое трепетное отношение. Бог даст, и все надеются, что через 5 лет встретимся снова. Настоятельно рекомендую Вам принимать участие в таких встречах. Желаю Вам успешных научных выступлений и удачной рыбалки.

9.07.07 Володя Опекунов

Письмо Володи Опекунова Сергею Борисовичу Лебле от 4 июля 2007 г.

Это письмо посвящается Евгению Федоровичу Кондратьеву в знак благодарности за то, что он учил меня физике твердого тела, подарил свою книгу и собирается упомянуть меня в своей следующей книге

Здравствуйте, уважаемый Сергей Борисович! Привет Ане, Вове и Машеньке!

Я вернулся в Минск и только здесь на своем ноутбуке нашел Ваше письмо. В горячке событий не догадался посмотреть почту в Калининграде. А это можно было сделать не только у Слежкина, но и в Переславском у племянника Максима. Видимо, я еще не осознаю возможности Интернета. На уровне теории понимаю, но практически не владею. Пусть это будет мне уроком на будущее. Как говорят, а счастье было так близко. Много было сделано мною и других ошибок. В день отъезда обнаружилось, что я не знаю мобильного телефона своего друга Тихомирова, который вывозил меня из Переславского на вокзал на своей машине. Мы договаривались об отъезде на 10 часов утра, но из-за пробок в городском движении он появился у меня в 10-30. Я начал уже волноваться.

Я постоянно находился на связи со Слежкиным, он знает мои телефоны в Переславском, мобильный телефон племянницы Тани, и предполагал, что если Вы будете в Калининграде, через него сообщите мне. Остается надеяться на встречу в будущем. Несмотря на некоторые огорчительные моменты, поездкой в Калининград я очень доволен. Удалось выполнить почти все задуманное за исключением встреч с возможными издателями моего романа. Издательство «Янтарный сказ», некогда процветающее, книги которого я видел на минских книжных ярмарках, и где меня в 2002 году встретили вполне доброжелательно, якобы прекратило свое существование. Веня ориентировал меня на частные издательства, но найти их за короткий срок и о чем-то договориться невозможно. Тем не менее, я брал с собой исправленный, дополненный и заново сверстаный текст. Предполагаю разместить его в Интернете. У сына Андрея однокурсник работает в фирме по разработке и ведению сайтов, Андрей говорил мне, что для него не будет труда дополнить содержание моего с Веней сайта. А Намгаладзе советовал мне Прозу.Ру. Может быть, исполню оба варианта.

Я приехал в пятницу 15 июня на гомельском поезде утром. Меня встретила младшая сестра Люся, и мы сразу на светлогорском автобусе поехали в Переславское. Я вез с собой тяжелые подарки: трехлитровую банку меда и несколько бутылок алкогольных напитков, поэтому не мог задержаться в городе и попытаться выяснить обстановку. Да в этом и не было необходимости, Слежкин почти ежедневно информировал меня о ходе подготовки встречи выпускников в 1972 года. Вечером в пятницу я

позвонил ему и убедился, что все идет по плану. Звонить Карповым и Чернышевым я не решался, так как не чувствовал себя свободным для встреч, о чем сейчас жалею, можно было бы просто объявиться.

В субботу вместе с племянником мы проложили по плитусам проводку от Дивидиплейера, а с утра в воскресенье стали ждать гостей на мой день рождения. Приехали старшая сестра Ира из Зеленоградска, жена Вени Люба из Калининграда, сам Венья в море, и Слежкин с Кондратьевым. Кондратьев давно хотел встретиться со мной. Я уже два года обещаю ему свою автобиографию, но из-за непонимания того, что нужно, никак не мог выполнить просьбу. Автобиографии бывают разные, в том числе и творческие. Все же с помощью Слежкина удалось понять ситуацию. Узнав, что у меня день рождения, Кондратьев заволновался, что прибыл без подарка, но Слежкин успокоил его: - Евгений Федорович, Вы же привезли Володе свою книгу, это для него лучший подарок. - И действительно, ничего лучше придумать невозможно. Кондратьев заскромничал, но достал свою книгу и по моей просьбе поставил автограф, приписав следующий текст: - Володе Опекунову, хриплоголоному, но недосягаемому певцу нашего мира. - Такая надпись вызвала во мне глубокие чувства, в том числе воспоминание о поэте Владимире Высоцком, а на счет недосягаемости мне вообще нечего сказать. За столом Кондратьеву как старейшине было предоставлено первое слово. Начал он с того, что нам всем в жизни очень повезло в том, что на свете существует Опекунов. - Когда мне грустно, я читаю его книгу, и мне становится значительно веселее. - Моя старшая сестра Ирина, 68 лет, с годами становится все больше похожей на нашу мать, которая к старости совсем разочаровалась в жизни. Все ей казалось не так. И трава стала не такая зеленая, как раньше, и морозы стали слабее, и лето холоднее. И она права, потому что раньше она жила в Нижегородской губернии, а теперь - в Калининграде. Всем она была недовольна. Как-то, под ее 90 лет брат Венья спрашивает: - Мама, хочется еще пожить? - на что мать ответила: - Устала я от всего, в том числе и от всех вас. - Спротивляться всему уже не было сил, а хотелось. Так вот, Ира решила возразить Кондратьеву и сказала: - А вот у меня наоборот, когда мне грустно и я читаю Володину книгу, мне становится еще грустнее. - Возникла коллизия, которую надо было каким-то образом разрешить. Надо бы поддержать Кондратьева как гостя и из уважения к нему как к моему преподавателю, а с другой стороны - сестра, которая постепенно приближается по характеру к матери. А ведь мать - это святое. Я решил занять сторону сестры и сказал, что мой преподаватель по теоретической физике Сергей Борисович Лебле тоже считает мой роман грустным и назвал его «трагедией русского народа». Я предполагал, что потом объяснюсь перед Кондратьевым, и он как умный человек все поймет. На самом деле коллизии нет. И меня радует, что каждый находит в книге свое, что ему нужно или хочется видеть. Возникает ситуация многозначности, к чему я и стремился. Мне хотелось как философу сделать так, чтобы невозможно было определить, кто прав, кто виноват, кто положительный, а кто отрицательный и вообще, по моему мнению, чем больше неопределенностей, тем лучше. Это же не инструкция по технике безопасности, а роман. Все смеялись, но Ира отнеслась к коллизии серьезно.

Мне нужно было не упустить третий тост, за моряков, что мне и удалось. Тем более, что за столом находился мой одноклассник Александр Тихомиров, прототип одного из героев, Шурика, похитителя невесты и участника безобразий в областной больнице, когда мы вместе с нашим другом Федей упоили две палаты больных: гнойных и челюстных. Шурик участвует и в других эпизодах. Иногда мне везет. Я прибыл в Переславское и сразу пошел к Шурику. Живет он в роскошной квартире на Чернышевского, но сейчас находился в отпуске у своей матери, 82 лет. Я рассказал ему о своих планах, в том числе о встрече выпускников и о стоящей передо мной задаче, сфотографировать средний рыболовный траулер для работы минских художников над рисунками к Вениной книге.

Тихомиров работает заместителем руководителя частной организации по судоремонту. Закончил мореходку электромехаником, старый и очень опытный морской волк. Лучшего эксперта в моей проблеме не найти. Шурик сказал, что ехать в Пионерский порт, как я планировал, бесполезно. На всем белом свете остался один и единственный СРТ, который стоит у стенки в Рыбном порту. Его собираются отремонтировать и поставить в Морском музее рядом с подводной лодкой. Ехать надо в Рыбный порт, в чем Шурик и обещал мне помочь. Его «Мерседес» - на ходу.

События за столом развивались, Венина жена Люба и Люсина дочь Таня Сапрыкина с чувством запели, другие участники дружно подпевали. Такая обстановка мне очень нравится, чувствуется родство людей и взаимное уважение. Кондратьев предложил перекурить, мужчины вышли из дома во двор, а потом мы все направились к дому Шурика, устроились в огороде, и Шурик вынес бутылку водки. В огороде у него идеальный порядок, мощные ряды картошки уходят далеко вдаль. Капитальная теплица покрыта долговечным толстым прозрачным пластиком. У Шурика дома есть даже сварочный аппарат. Вокруг нас, видя конкурентов, злобно вышагивал крупный цветной петух. Мне показалось, если бы у него были шпоры, он бы всех нас зарубил. Я сфотографировал этого красавца, Кондратьев последовал моему примеру. Кондратьев Шурику, судя по всему, понравился. Шурик называл его в соответствии с морской традицией Федоровичем, обнимал, а Кондратьев терпел, и, как мне кажется, без особого напряжения. Я знаком с Тихомировым около 60 лет, но впервые услышал от него, что его отец - в прошлом командир воинской части. Я всегда удивлялся его жизненной силе, неукротимой воле и силе духа. Евгеника - не такая уж лженаука, как нам ее изображали. Как говорил наш философ Виктор Федорович Овчинников, в каждой теории есть рациональное зерно.

Мы вернулись домой, я хотел продолжения, но Кондратьев со Слежкиным сели в машину племянника и уехали. Видимо, я выпил все же значительно больше установленных Веней для меня трех рюмок, рано лег спать, рано проснулся, часа в четыре утра, и стал думать о смысле жизни. Опять все шло не так. Поговорить с Кондратьевым не удалось. Я лежал один в комнате на первом этаже. Дом после многотысячных вложений моего зятя и внутри и снаружи выглядит очень хорошо. А было время, когда из-за проваливающейся крыши я писал заявление об уходе из Заочной школы моряков. Или в отпуск. Мне дали отпуск. Приходилось все делать своими руками. Были деньги, но нанять работников невозможно. Они не существовали. Не было фирм, обслуживающих население. Весь жилой фонд нашей страны разваливался. Я чистил дымоходы, штукатурил, прокладывал трубы, устанавливал унитазы. Все делал неумело, плохо, учился на ходу. И сейчас, по старой установке, бывая в этом доме, стараюсь что-нибудь сделать. Зять ежедневно по утрам, пока действует льготный тариф, звонит с Севера, где он работает вахтовым методом, и спрашивает, есть ли у меня какие-либо предложения. Есть. Предлагаю прорубить вентиляционные каналы в стенах нового сарая и установить решетки. Давай! Теперь он каждое утро спрашивает, сделал ли. Надо сделать. Но без работников и тогда, 30 лет назад, не обходилось. Приходилось нанимать случайных людей, которые все делали еще хуже, чем я. Я все переделывал. Нужно было с ними пить, и я пил. Слежкин, не имея дома, снимая квартиры, находился в более выгодном положении. Он мог заниматься наукой, не отвлекаясь на бестолковщину.

Я взял в руки книгу Кондратьева и принялся за ее изучение. Сделано неплохо. В Польше. Хорошая бумага, иллюстрации. Прочитал посвящение и предисловие. Энциклопедия с хорошо организованными внутренними ссылками и списком литературы. Я прочитал статьи о Гильберте, Гельмгольце и Бесселе. Самый выдающийся – Гильберт. Гельмгольца я с детства знаю как человека, который настолько тщательно изучил оптическую составляющую человеческого зрения, что говорил, будто он мог бы сделать человеческий глаз лучше самого Бога. У Кондратьева этого момента нет. Потому что это – беллетристика. На могилу Бесселя я водил своих учеников из Переславской школы. Могила находится на территории завода «Союзгазавтоматика». Слежкин говорил мне, что Кондратьев задумал в продолжение этой книги, которая является продолжением «Альбертины» Лавриновича, сделать книгу о калининградских физиках, поэтому ему и нужна моя биография.

Я человек по своей природе достаточно пугливый, хоть и ходил в моря. Помню, в 1978 году философ Виктор Федорович Овчинников завел со мной серьезный разговор о моем будущем. Заканчивались сроки аспирантуры. Овчинников предложил мне грандиозный проект создания серии книг по русской культуре в русле его работ по творческому потенциалу. Смысл этого проекта я определил бы следующим образом: доказать, что русские люди обладают громадным творческим потенциалом, говоря проще – не дураки.

Критерий отбора кандидатур для исследования следующий: если человек попадает в энциклопедии, он наш. Для выполнения работы Овчинников предложил мне должность хранителя музея Канта, 100 рублей, почасовая оплата преподавателя философии – 40 руб, и если у меня еще будут силы и желание – подработка в вечерних школах. Такой режим я бы не выдержал. На такое способен только Слежкин. Меня беспокоил не столько объем работы, сколько ее методология. Я уже был знаком с теорией «выплеснутых мозгов», согласно которой в России умные люди рождаются, но по разным причинам они оказываются за ее пределами, что ведет к нашей деградации и гибели. Многие признаки состоятельности этой теории мы наблюдаем и сейчас. Я понимал под русскими людьми и тех, «кого выплеснули», о которых мы не имели возможности что-либо узнать. В своей книге Овчинников учел это обстоятельство, так как книга издавалась в новые времена. Овчинников убеждал меня в том, что, выполнив эту работу, я приобрету энциклопедические знания, так как придется разбираться в существе достижений выдающихся людей. Я уклонился от проекта по многим причинам, но Овчинников реализовал его сам. Помогали ему его жена и дочь. Опубликовал он только, спустя 30 лет, одну книгу под названием «Феномен таланта в русской культуре». Заготовленный материал еще для четырех книг остался не использованным, Овчинников умер.

По проекту Кондратьева, о котором мы так и не успели поговорить, и о котором я знаю только со слов Слежкина, у меня тоже возник испуг. Надеюсь, что сам Кондратьев такого чувства не испытывает и успешно реализует свой план. И я, в меру своих способностей, желаю помочь ему в этом.

Первое. Законы статистики. Калининградский университет существует всего сорок лет, наборы физиков, а значит и выпуск их – небольшой. Калининградские физики – это выпускники других вузов, преподаватели, представители других школ, что облегчает ситуацию. Как-то на семинаре по теоретической физике мы говорили, что для того, чтобы появился один выдающийся физик, нужно сделать много физиков вообще.

Второе. Критерий отбора для включения в книгу. Нужно установить его по каким-то признакам, в соответствии с ними предлагать текст о человеке. Проще всего попросить старейших физиков, которые многих знают, предложить свои кандидатуры. Я помню, Сергей Борисович, Ваш рассказ о вашем ученике Юре Брежнев, на результат которого вы ссылаетесь в книге по волноводному распространению и который «ходил по коридорам Института математики имени Стеклова и ругал сотрудников за низкий профессиональный уровень, в обиду одним и на радость другим». О Юре я бы с удовольствием прочитал в новой книге Кондратьева.

Третье. Первичный, исходный, фактический материал. Он должен быть объективным и правильно оформленным, то есть иметь признаки документа до того, как попадет в печать. По крайней мере, иметь подпись автора материала. Проще всего ситуация у Намгаладзе. - Читайте мою книгу «Записки рыболова-любителя» и в ней вы найдете богатый материал о многих физиках Калининграда. Например, о Гостреме. - Рунар Викторович наверняка обозлился бы на меня за такое предложение, так как в книге он изображен весьма критически. С другой стороны, ему посвящены многие строки. Значит, заслуживает. Неплохо было бы попросить еще живущих физиков самим написать о себе и определить, что они считают главным достижением в своей жизни. Чтобы не получилось как у Эйнштейна. Он до конца своей жизни обижался на Нобелевский комитет за то, что он присудил ему премию не за то. В формулировке комитета значились работы по броуновскому движению и ранние работы по электродинамике, а о теории относительности ничего не говорилось. Авторы книги «Кто есть кто в Калининграде», в которой присутствуют философ Овчинников и мой брат Веня, так и поступили. Они предложили своим героям самим определиться. Географ профессор Орленок, у которого наши студенты-физики проходили геодезическую практику, таская на себе полный световой день деревянные колья, страдая неимоверно, заявил, что его главным открытием является горный хребет или, наоборот, разлом посреди Тихого океана. Сразу всем становится понятно, чем значит человек. Жаль, что книги нет под руками, а то бы уточнил: хребет или разлом.

Когда-то мне приходилось участвовать в разработке стандартов. Есть стандарт, устанавливающий порядок разработки стандартов. Расписаны роли и обязанности. Заинтересованное предприятие рассылает сообщение о своем намерении сделать стандарт такого-то уровня, собирает предложения и готовит свой вариант. Потом идет обсуждение и утверждение текста. Но и после этого в него продолжают вносить изменения и дополнения, тоже в установленном порядке. Кондратьев может ограничиться сборником, личными записками и впечатлениями о калининградских физиках, это будет очень ценный первичный документ, вполне самостоятельный, объемом с хорошую книгу. В совокупности с записками других физиков они составят исходный материал для книги, подобной тому, что сделал Лавринович и сам Кондратьев в книге «Физики Кенигсберга». В связи с этим мне становится понятной просьба сделать для него мою автобиографию. Я написал ее по правилам оформления на работу на режимный объект. Как собрать первичный материал? Придется во всеуслышание заявить об этом. Конечно, никто готовить его просто так для Кондратьева не будет. А если сказать, что кто пришлет свои записки, тот и будет упомянут, все полезут в книгу. Иосиф Флавий, когда заявил, что пишет книгу об Иудейской войне, получал богатые дары от желающих попасть в историю. Кого-то пришлось изобразить в виде героя. Мое присутствие в книге Кондратьева можно было бы сделать не самостоятельным, а в связи с Вашим семинаром по теоретической физике в период с 1970 по 1972 годы. То, что это был не обычный учебный процесс, а семинар в том смысле, как об этом пишет Кондратьев относительно обстановки в германских университетах XIX и XX веков, то есть открытый учебный процесс, в котором могли принять участие все желающие, я подтверждаю настоящим письмом. С моим участием происходило обсуждение доклада мужчины, который специально для этого устроился плотником в студенческое общежитие и подарил мне унитаз, об этом я пишу в своей книге, и доцента из КТИ, которому Вы выдали несколько задач по квантовой электродинамике, после чего он у нас не появлялся.

На обсуждении доклада плотника выступил Трофимов. Его речь я помню до сих пор и воспроизвел ее в виде критической статьи на труд одного сельского учителя, который вдарился в науку. События происходили уже в Белоруссии в начале 90-х годов. В ответ гневный учитель разразился чуть ли не проклятиями в мой адрес. То, что я не физик, не должно мешать моему появлению в книге Кондратьева. У Пуанкаре был ученик, о котором великий ученый говорил, что ученику не хватило воображения для занятий математикой, и он стал великим поэтом.

Все это и нужно было обсудить мне с Кондратьевым при встрече. А получилось, как и прошлый раз, на встрече с Вами у Карповых.

Пишут, что Декарт все свои сочинения продумывал, долго валяясь в кровати по утрам. Вот и я много продумал в то утро, страдая от излишеств. Ничего не болело. Ни голова, ни тело, водка была качественной, но на душе было тревожно. Я вспомнил своего покойного брата Валентина, который умер в 1983 году в день Брежневской Конституции после многодневных неумеренных потреблений спиртного. Рая как врач предупреждала нас, что добром наши увлечения не кончатся. Так и получилось. Стало страшно за себя. Умереть от пьянства. Позор. Это то же самое как умереть на любовнице. В Минске мне рассказывали реальный такой случай. Жена отказывалась хоронить мужа. Говорила, что вот если бы он умер на мне, вопросов не было бы. А любовница говорила, вот если бы он мне всю зарплату отдавал, тогда бы я его хоронила. Как они договорились, я не помню. А в Калининграде, когда я работал в вечерней школе при училище морских поваров, мне рассказывали другую историю. Директор училища находился в связи с бухгалтером, и вместе они ворочали большими делами. Добычи хватало всем, в том числе и жене директора. Поэтому и жена, и бухгалтер приняли самое активное участие в похоронах директора. Одна в роли жены, другая – в роли бухгалтера. В латинском языке есть поговорка, которая в современном русском языке звучит приблизительно так, что мертвые стыда не испытывают, а в старинном варианте звучала: мертвые сраму не имут. Но это выражение касается воинов, павших в бою.

Они не испытывают горечи поражения. На меня такая поговорка не распространяется, так как я не воин, стало быть, должен испытывать стыд. Я попытался, как философ, найти что-нибудь положительное в смерти в Переславском, такое должно быть, и нашел: все будут говорить, что Опекунов прожил равное количество лет, день в день; меня не придется хоронить в Минске, зачем это делать, если рядом находятся могилы предков.

Я дождался, когда Люся и дети уйдут на работу, по старой морской традиции налил себе рюмку, опохмелился и пошел на кладбище, чтобы посетить могилы своих родителей и Валентина. На кладбище Шурик под руководством своей матери работал бензиновой косилкой, заодно обкосил и мой участок. Мы договорились о встрече у меня дома, а сам я пошел на озеро. Для отчета перед детьми нужно было сфотографировать знакомые нам места, в том числе и те, на которых мы когда-то в детстве, моем и их, ловили рыбу. С Шуриком мы встретились после обеда, опять пили, а на следующий день вместе с сестрой Люсей он отвез меня в Зеленоградск, в гости к старшей сестре.

У Иры был обед с судаком, выпивка и многочасовая беседа обо всем. Просто общались. Потом мы вышли на набережную. Был шторм, я вдыхал свежий морской воздух, от которого уже стал отвыкать, и любовался морем. Кое-кто даже купался. Больше моря в эту поездку я не видел. К водке за обедом на набережной с зятем Анатолием Петровичем мы выпили еще по кружке пива. Точнее, по большому пластиковому стакану, который стаканом назвать не поворачивается язык. Я вспомнил, как на Кубе это называют уно вазе фербеса. Из Зеленоградска мы с Люсей выбирались на автобусах через Чкаловск. Это был третий день моего потребления алкоголя. В среду наступил четвертый. Опять появился Тихомиров. Надо было угостить его в качестве благодарности за поездку в Зеленоградск и за будущую поездку в Рыбный порт. В четверг утром, уходя на работу, Люся закрыла меня в доме и строго наказала, чтобы я больше не пил, а читал книгу Кондратьева. В окно постучал Тихомиров. Он пришел вместе со своим родственником, Васей Пантелеевым, мужем своей тетки. Через окно протянули мне уно вазе вербеса, что я и выпил. Васе 72 года, но выглядит он на 50, и на голове его буйная шевелюра, не седая, а бурая, которую он с большим трудом продирает своей пятерней, что он и продемонстрировал мне, когда в обеденный перерыв все-таки вместе с Шуриком проник в дом. Они подлюбили Люсю, когда она шла на обед. Люся впустила их в дом и прямым текстом сказала: - Вовка, больше не пей, тебе надо готовиться к выступлению на встрече выпускников. - Шурик с Васей на моих глазах распили бутылку водки, я воздержался. Я самоопределился как физик, участник встречи однокурсников, и временно прекратил чувствовать себя моряком. Люся выпроводила гостей и опять закрыла меня. Шурик потом мне рассказывал, что они с Васей в тот день на двоих выпили три бутылки водки и отравились. Предполагают, что, по крайней мере, одна бутылка водки оказалась «паленой».

На вечер четверга у меня была назначена встреча со Слежкиным у него на квартире. Нужно еще раз проверить нашу готовность к встрече выпускников, кроме того, я собирался сделать стенгазету, посвященную Кочубею. Люся позвонила Василию, что отправляет меня к нему, и посадила на автобус, который проходит прямо через поселок. Когда я был у Слежкина, она еще раз позвонила и убедилась, что я на месте. По поводу того, что меня надо вести, что у меня нет самостоятельности, на моем дне рождения возмущалась сестра Ирина. - Сначала тебя опекал Васья Палаткин, о котором ты написал книгу, сейчас опекает Слежкин. - Подмечено верно. Этот момент я усилил в интернетовской версии романа. Я представляю своего главного героя и Слежкина как различные реализации некоего мистического существа, которое заботится обо мне. Одно из первых названий романа было «Мой суровый ангел-хранитель». Но по нескольким причинам я от него отказался. А что касается самостоятельности, мне кажется, у меня ее достаточно. Возможны различные варианты отношений между людьми. Если посмотреть на директора завода, который ничего не помнит, и секретарша подсказывает ему, что надо делать, можно подумать, что секретарша управляет и директором и заводом, но на самом деле это не так.

На квартире Слежкина заседал штаб по подготовке встречи. Кроме Василия и его жены Наташи присутствовали Стелла Алейник, которая прилетела из Нижнего Новгорода, и Света Макаришина. Уточнялся состав участников, план торжественного заседания и меню праздничного ужина. Василий сканировал фотографии, готовил их на демонстрацию с помощью проектора. С помощью Стеллы и Светы я склеил два больших ватманских листа и уже на них разместил распечатанные с оцифрованных негативов 1975 года несколько своих фотографий: Кочубей, Слежкин, Васильев, я и Вы на рыбалке на Переславском озере. Приложил сокращенный вариант текста «Памяти Кочубея». Думаю, Кочубей не стал бы меня расхваливать за это, а сказал бы очень просто «Нормально, Володя, пойдет. Не бери в голову, как сделал, так и хорошо. Мог бы вообще ничего не делать». В этой части запросы у Кочубея были небольшие. К любой славе он относился иронически.

Состояние мое после нескольких дней приема спиртного оставляло желать лучшего. Василий измерил мое артериальное давление, оказалось 175 мм ртутного столба. Заставил тут же принять 20 мг Берлиприла, что я и сделал. По дороге к Василию я не мог смотреть на ларьки с пивом и водочные магазины, но дома у Слежкина вдруг захотелось пива. Василий заставил меня, в воспитательных целях, еще немного пострадать, но все же пивом угостил. - Как ты себя чувствуешь после моего дня рождения? - спросил я у него. - Нормально, - ответил Василий, - я же не пил. Как я мог пить, когда я отвечал за Кондратьева. - А Кондратьев? - Он тоже не пил. - Так мы у Шурика в огороде вдвоем бутылку водки

выпили? – Выходит так. - Я почувствовал, что Слежкин меня обставил. О Кондратьеве я должен был заботиться. Возникло чувство досады, которое я решил погасить какими-нибудь размышлениями. Могли бы и выпить немного. Да могли бы и много. Уложил бы Кондратьева рядом с собой на диване. Диван раскладывается не вдоль, а поперек. И Слежкину места хватило бы. Отлежались бы смиренненько ночь, а утром опохмелились. Водки было немерено. Каждый из гостей привозил с собой качественную водку, в оригинальной таре, которую трудно подделать. А когда люди лежат рядом, они незаметно для себя обмениваются мыслями. Вот бы мысленно и обсудили проект Кондратьева. Как-то мой младший сын Саша обнаружил на моем ноутбуке инфракрасный порт. Поднес к нему свой мобильник, и фотографии из мобильного перескочили в ноутбук. А вокруг каждого человека существует биополе, и эти биополя взаимодействуют. Многие биофизики верят в существование таких полей, а некоторые пытаются их даже измерить. Покойный физик Альберт Кузмич Приц не сомневался в существовании биополей не только у людей и животных, но и у растений. Мне рассказывали, что Вы в свое время боролись с Прицом как с лжеученым. Но лично от Вас я такие рассказы не слышал. В книге Кондратьева немецкие ученые борются друг с другом за истину. Вот бы и наших физиков изобразить в борьбе. Книга была бы еще интереснее.

Трудно организовать однородную компанию из физиков и моряков, поэтому она и распалась. Как сказал поэт: - Нельзя запрячь в одну телегу коня и трепетную лань. – Конем был Тихомиров, а ланью соответственно Кондратьев и Слежкин. Я тоже был конем. А было время, когда физики тоже пили. Как-то Вы рассказывали мне о сотрудниках Института физики Земли. Были они «какие-то земляные, и пили очень много». Сейчас, наверное, настоящие физики уже не пьют. Упоминание о сотрудниках Института физики Земли я сделал в интернетовской версии своего романа с ссылкой на Ваш рассказ.

У Слежкина я почувствовал себя физиком и стал обдумывать свою речь. Василий строго предупредил меня, что выступать придется не только на торжественном собрании, но и на банкете. Но речь не придумывалась. Я начал уже беспокоиться. Надежда была только на то, что где-то в глубине подсознания она все же готовится, без моего участия. Ведь берутся же у меня откуда-то тексты.

Наши штабные женщины попили чаю и уехали, мы поужинали без водки и залегли спать. Утром Василий покормил меня овсяной кашей, сваренной на воде, так как протеины молока мешают усвоению овсянки, ветчиной и чаем с сахаром. Питание у него организовано на самом строгом уровне. Свой организм он настраивает и держит в хорошей форме вот уже много лет. Благодаря чему у него нет необходимости ездить куда-нибудь на курорт и вообще уходить в отпуск. На это время он планирует самые ответственные дела, в том числе научные. Здоровый организм ему нужен не как самоцель, а как вместительная ума и души. «В здоровом теле здоровый дух» - эту латинскую поговорку он принимает, как правило жизни. Еще недавно он периодически устраивал себе пробежки по марафонской дистанции, а на перекладине хоть сейчас может подтянуться 15 раз. Видимо, немного сдал, так как в 2002 году при мне подтянулся 18 раз.

До торжественного собрания оставалось еще много времени, но возникло беспокойство в связи с тем, что в нашем распоряжении еще не было проектора. В результате многочисленных звонков появился Юра Зимарев на своей машине, и мы помчались в физический корпус на Невского. Я убедился в том, что мчаться по Калининграду невозможно. Узкие улицы переполнены транспортом, приходилось объезжать какие-то пробки, ситуация гораздо хуже, чем в Минске. Проектор мы все же раздобыли. По дороге Зимарев рассказал душераздирающую историю, как у него угоняли машину. Я подумал, вот бы у меня украли «Москвич», тогда его и ремонтировать не надо. Я бы всплакнул немного и успокоился. А мог бы и не плакать, а сжал бы зубы и пережил это небольшое горе. У Зимарева всё было значительно хуже.

Когда мы оказались в старом физматовском корпусе, Лазарь Фуксон уже вел торжественное собрание. Математики рассказывали о событиях, которые следовали за окончанием нашего университета. Одна женщина рассказала, что она вышла замуж за военного, теперь у нее трое сыновей: подполковник, майор и капитан, соответственно возрасту. Выступила и моя первая жена Соня. Скромное и толковое выступление. Лазарь начал вызывать физиков, вот-вот очередь дойдет до меня, а речь всё не прорывается в сознание. Я начал думать о Соне. В первые годы после развода я был зол на неё, как, видимо, и должен злиться брошенный муж, но потом стал успокаиваться, а когда увидел, что она не портит мои отношения с сыном, вообще испытал к ней чувство благодарности, которое крепло в связи с успехами сына. Сейчас я испытываю чувство благодарности и за то, что она бросила меня. Чует мое сердце, и этому учит нас метод математической индукции, что красавица могла бы создать в моей жизни и другие проблемы. Роднит нас с ней теперь не только наш сын, но и наш внук. Я решил посвятить свою речь Соне. В сознании речь так и не возникла и пошла прямо из подсознания, минуя, как говорят психологи, нашего внутреннего цензора. Я передал привет от наших однокурсников, проживающих в Минске и Москве, рассказал об их жизни и своем сыне Илье, который радуется своим успехам. Кратко сообщил о сыне Андрее, что он радиофизик и программист, и Саше, который учится на инженера-приборостроителя. В общем, провала не было, а один из наших однокурсников даже похвалил меня на банкете в частной беседе «за речь о сыне». Кондратьев сидел рядом со мной и откровенно смеялся над моей речью. Но мне это почему-то нравилось. Лила рассказал, что он «был олигархом», но сейчас отходит от дел. Трофимов сообщил, что он наконец-то обрел себя и руководит клубом имени Джона Леннона, а работает в охране. Слежкин включил проектор, и мы увидели себя молодыми на

наших старинных фотографиях. Слежкин взял управление собранием на себя, зачитал несколько писем и предложил почтить память тех, кого уже нет с нами, в первую очередь наших преподавателей. Всё было очень торжественно. Василий давно дружит с Кондратьевым и, как мне кажется, уже превратился из его студента в коллегу, они вместе ездят на научные конференции, обмениваются книгами. Как-то мы провели хороший вечер у Слежкина дома. Беседа была обо всём, Евгений Федорович вёл свои темы, я свои, а Слежкин, как химик, угощал нас спиртным напитком, настоянным на горьких травах. Этот напиток вызывал желание пить не водку, а чай. Я восхитился мудростью Василия.

По окончании торжественного собрания однокурсники принялись активно фотографировать друг друга, на лестницах, в фойе, около корпуса университета. До начала ужина оставалось еще много времени. Слежкин повел большую группу приехавших из других городов в парк Калинина, и я потом посмотрел на фотографии, как они там развлекались, сидя на ядре барона Мюнхаузена, а Лиля захватил меня и Трофимова и повёз к себе домой. Дом Лилы вызывает чувство благоговения. Боюсь ошибиться, но в Минске такой дом стоит не менее двух миллионов долларов, в зависимости от внутренней отделки. Американцы говорят: если вы такие умные, то почему вы такие бедные? Физик-теоретик и отличник университета Александр Лила положительно ответил на этот вопрос. Я умный и не бедный. Его жена Нина выглядит, как и сорок лет назад. Я хочу сказать, что очень хорошо. Эта оговорка вызвана историей с моей матерью. Когда ей было под девяносто лет, одна женщина сказала ей комплимент: баба Липа, да вы нисколько не изменились. На что мать глянула в зеркало и ужаснулась: неужели я всегда была такой. Мы пили чай и вспоминали молодость. Между прочим, и это может быть интересно Кондратьеву, она рассказала нам, что выдающийся педагог-физик Аркадий Аронович Пинский похоронен на недалеко расположенном кладбище. Лично мне очень хочется, чтобы Пинский попал в книгу Кондратьева. Последние годы он жил и работал в Москве в Институте проблем и методов обучения, но оказался почему-то опять в Калининграде. Может быть, это была его воля. Интересен рассказ Нины о многоженстве в Ташкенте. По праздникам выдающиеся деятели Узбекистана прохаживаются со своими женами и детьми в специально установленных местах. Вот идет первая жена крупного деятеля со своими детьми, вот вторая – тоже с детьми, вот третья, а вот, соответственно Корану, четвертая. Больше четырех жен иметь нельзя, а если они есть, то имеют статус не жен, а любовниц. Народ, видя такое благолепие, красивых жен, чистеньких, ухоженных, нарядно одетых детей, спокоен: государственные дела находятся в надежных руках. – Как же они размещаются все в одной квартире? – спросил я. – Почему в одной? – сказала Нина, – у каждой жены своя квартира.

Зять Лилы подвёз нас к кафе «У быков». Народ уже стал собираться. На двух рядах столов, составленных в виде буквы Г, по разным сторонам от угла расселись с одной стороны физики, с другой – математики. Шпилевому было предоставлено слово для открытия праздничного ужина. Речь его была организована очень правильно по содержанию и по форме. Исключительно душевная. Смысловым ядром речи являлось единство физиков и математиков. – Пусть нас разделили, но в душе мы остаемся единым физико-математическим факультетом. – Мне захотелось, чтобы нас опять соединили. И в этом есть большой смысл. Сейчас в России идет укрепление научных учреждений. Объединяют не только факультеты, но и университеты, чтобы создать мощные научные центры. Философ Виктор Федорович говорил мне, что политические процессы развиваются по принципу маятника. Такая аналогия мне как физика нравится. Когда народ устает от демократии и беспорядков, он требует диктатуры. Наплакавшись от диктатуры, требует демократии. Потом факультеты можно опять разделить, для лучшей управляемости. Но это дело следующих поколений. Такое же происходило и в советской педагогике: несколько раз в средних школах соединяли и разъединяли мальчиков и девочек, и каждый раз это выдавалось за большое достижение советской науки.

За столом я оказался между Суховым и Шевчуком. Слежкин уже успел сообщить другу Александра Андреевича, что Опекунов привез ему письмо от Намгаладзе. Шевчук спросил меня об этом письме. Я подтвердил, что действительно привез, хотя возникало некоторое недоразумение. Письмо адресовано мне, но одновременно содержит обращение ко всем, кто помнит Намгаладзе, следовательно, и Шевчуку, тем более, что Намгаладзе там цитирует Шевчука, что любому человеку приятно. Письмо, действительно, интересное. Намгаладзе собирается на всемирную научную конференцию, надо подготовить три доклада, а тут со дня на день откроется рыбалка на семгу. Хороший текст вызывает ассоциативные связи. Я вспомнил эпизод из истории Древнего Рима. Центурионы произвели государственный переворот, свергли императора и назначили нового, но у того дела не заладились, пришлось обращаться к прежнему, чтобы он вернулся на свое место. Бывший император выслушал сообщение и сказал: – Да пошли вы со своей империей, вы посмотрите, какую капусту я вырастил. – Не помню, чем у них там дело закончилось, но в истории этот факт остался в виде анекдота. Так и Намгаладзе, для него рыбалка важнее всемирной научной конференции. Я бы передал Шевчуку письмо, но оно, распечатанное в нескольких экземплярах, находилось на квартире у Слежкина, который туда не попал после торжественного собрания, так как водил гостей в парк Калинина. Боюсь, что Шевчук в тот вечер так и не получил письмо. Но у Слежкина ничего не пропадает, когда-нибудь Шевчук получит его, и интрига, возникшая вокруг письма, успешно разрешится. Но оно уже вдохновляло. Шевчук выпил рюмку и очень душевно запел под гитару в микрофон. Шевчук занимается ремонтом стиральных машин. Он всегда любил механику. Во времена Кочубея работал электромехаником в Облстатуправлении,

ремонтровал там устройства ввода-вывода информации. В молодости у него был мопед, на котором он ездил на рыбалку. Шевчук настолько был уверен в надежности мопеда, что даже отвертку с собой не брал. На третьем курсе вместе с Шевчуком по заданию Кочемировского мы сделали дискриминатор Шмидта, электронное устройство для выделения импульсов определенной амплитуды. Я подобрал схему из переводной книги, адаптировал ее к нашей элементной базе, а Шевчук все это аккуратно спаял и установил в корпусе от старого радиоприемника. Верхний порог срабатывал, а нижний не устанавливался. Я начал паниковать. Подошел Кочемировский, который принимал работу, при нём схема заработала. Я облегченно вздохнул: вот что значит настоящий физик. В его присутствии даже неисправная установка начинает работать. Существуют физики и с обратным свойством. Говорят, что в присутствии Паули все установки выходили из строя. Однажды в какой-то немецкой лаборатории вышел из строя сложный физический аппарат, впоследствии выяснилось, что в это время в 100 км от лаборатории на поезде проезжал Паули. Кочемировского надо включить в книгу Кондратьева и указать, что он был одним из инициаторов проведения первоапрельских физических семинаров.

Сухов предложил мне сюжет из своей армейской жизни, для моего романа об армии, который, если Бог даст, я когда-нибудь напишу. Служил он в Москве, в стройбате, о котором один молодой американский разведчик, не знакомый с нашими реалиями, докладывал в Центральное разведуправление, что в России, кроме других войск, существует стройбат, в котором служат такие звери, что им даже оружие не выдают. Сухов был на хорошем счету у командира, пользовался полным доверием и попросил его об увольнении, не для того, чтобы пойти к женщине или выпить, а чтобы купить палатку и с этой палаткой вместе со Слежкиным ходить в походы, конечно, после службы в армии. Командир отпустил Сухова, но Сухов был задержан военным патрулем и отправлен в Лефортовские казармы, где был подвергнут унижительной процедуре в виде строевой подготовки. В общем, полный произвол. В нашем полку настолько ненавидели патрулей, что некоторые бойцы ходили в самоволку, опять же не к женщине или чтобы выпить, а чтобы бить патрулей. Мне никогда не хотелось быть патрулем, не хотелось получить ни за что, но все же один раз я оказался в гарнизонном наряде и попал в патрули. Дежурный офицер посмотрел на мою не очень мощную фигуру и оставил меня в караульном помещении топить печку, а бойцов повёл ловить самовольщиков, которые, как я предполагал, тоже вышли, чтобы ловить патрулей. Я вздремнул у печки, там же и встретил Новый 1974 год. Это был один из моих лучших новогодних праздников.

Во время свободных хождений и общений я еще несколько раз говорил с Суховым. Речь зашла и о Вас, Сергей Борисович. Я посчитал возможным передать похвалу Ани старшему сыну Сухова, когда он был вашим аспирантом, за хорошее владение компьютером. Сухов подтвердил, что Сухов-младший действительно хорошо разбирается в компьютерах и еще не оставил намерений заняться физикой, а вот младший сын уже вполне определился. Сухов рассказал, что в банковском деле невозможно следовать точноному математическому расчету, здесь играет главную роль интуиция. Надо настолько прочувствовать клиента, чтобы быть уверенным в том, что он кредиты вернет, и только потом решаться на отношения с ним. Так вот, по предположению Сухова, у младшего сына такая интуиция есть, поэтому он и направил его в банковское дело. Я оценил юмор Саши Сухова. Рядом стояла жена Сухова Люда. Наверное, и ей было приятно услышать похвалу сыну.

Выступил неувыдающий профессор Малаховский, произнес хорошую речь о науке, дружбе и других достойных вещах. В общей сложности за столом я выпил три рюмки, как наставлял меня мой брат Веня, но наливал не по 50 миллилитров, а меньше, чтобы иметь резерв на всякий случай. Закусил селедочкой и салатами с грибами и кальмарами. Принесли второе, куриная ножка, фаршированная овощами. Приготовлено все со вкусом. Все чистенькое и аккуратное. Официантки в белых халатах, никому не мешая, приносили новые блюда и забирали использованную посуду. Калининградская водка «Великое посольство» в оригинальных больших бутылках внушала полное доверие. Для женщин было вино, но я не стал его пробовать, чтобы не рисковать понапрасну.

Люди стали выходить на перекур, я последовал за ними. Решил за стол больше не садиться, чтобы не подвергать себя соблазну. Главное теперь – общение с однокурсниками.

Ко мне подошла Надя Грицына, чтобы передать привет от моего коллеги по Калининградской заочной школе моряков Евгения Ильича Ремесникова. Этот привет имеет для меня очень большое значение. Ремесников много лет ходил в моря, гораздо больше меня, хорошо знает обычаи и нравы моряков и обстановку тех лет. Человек он очень умный и наблюдательный, и аккуратный. Как-то директор школы разоблачил меня в том, что у меня нет конспектов уроков, были какие-то, но не то, что, по мнению директора, нужно. Я обратился к Ремесникову и попросил его конспекты. Он любезно разрешил. Я изготовил микрофильмы с его конспектов и, находясь в перуанском порту Сан-Мартин, в течение месяца с помощью примитивного устройства, состоящего из лупы и подсветки, переписывал эти конспекты. Адский труд. Отрывался от него только для того, чтобы сходить в Анды. Я думаю иногда о Ремесникове, как об эксперте по морским делам, если мне придется писать роман о морях. Его рассказы могли бы значительно обогатить текст. Но все это – в мечтах. А вдруг получится. Я благодарен Евгению Ильичу, что он еще помнит меня.

К самой Наде я испытываю чувство, которое можно было бы назвать абсолютным обожанием. Думаю, что не только я. Красивая, умная, она является живым воплощением добра. Я помню, как на

первом курсе она пригласила меня с Кочубеем в гости. Ее мать открыла трехлитровую банку клубничного компота, который сейчас мои дети терпеть не могут, я принял стакан этого напитка и пил его как нектар. Брат Веня рассказывал мне о матери Нади. Когда-то она работала в Управлении рыбной промышленности, все моряки отзывались о ней как об очень ответственном, добром, внимательном и порядочном работнике. Думаю, что то же самое можно сказать и о Наде. На похоронах её сына еще не протрезвевший от поездки со мной в Переславское Кочубей ругал Бога. Я стал сдерживать Кочубея, что Бога ругать нельзя. Ему тоже нелегко. Он вынужден сам следовать им же установленным правилам. Он сделал людей смертными, поэтому вынужден забирать их. А сам подумал, что если бы я был Богом, и мне нужно было забрать двух её мужей, то сына Наде я бы оставил, чего бы мне это ни стоило. Её сын, талантливый математик, работал в США, по дороге домой получил травму ноги и умер, по мнению врачей, от тромба, который перекрыл движение крови.

Мне хотелось бы побольше времени провести с Надей, и у меня есть, что рассказать ей, но я робею перед ней как на первом курсе. Мне всегда казалось, что пару ей может составить только красавец Кочубей. Я не жалею, что эта пара не состоялась, так как Кочубей заставлял страдать всех своих женщин. Если бы я верил в мистику больше, чем верю на самом деле, я мог бы предположить, что где-то во времена графа Калиостро жил красавец-мужчина, который не оправдал надежды молодой женщины-чародейки, и она прокляла его и его потомков по женской линии, чтобы они страдали, как страдает она. Если бы я знал это до того, как наступят трагические события, я приложил бы все силы, изучил черную и белую магию и воспрепятствовал воле чародейки. За столом Надя сидела рядом с Лилой, разговаривали они мало, и я подумал, что Лиля забыл сказать Наде, какая она хорошая.

Лиля выглядит очень солидно. Короткая седая борода в совокупности с общим видом делает его пригодным для образа мудреца-старца, одному из архетипов. Согласно учению об архетипах в человеческом сознании изначально заложена подпрограмма распознавания некоторых образов, в том числе образов доброй матери, строгого отца, злого врага и мудрого старца. Старец все знает. Он может решить любую проблему. Пользуется неограниченным авторитетом. Да Лиля всегда так выглядит. Ира Кузнецова, профессор философии, на курс старше нас, но она и в студенческие годы называла Лилу Александром Николаевичем, назвать его по-другому она не могла. А еще раньше, после девятого класса, Лиля решил летом поработать в бригаде дорожных строителей, состоящей в основном из пожилых женщин, которые по двадцать лет отработали лопатой и ломом. Так эти женщины безоговорочно назначили Лилу своим бригадиром. Я думаю, что и в бизнесе внешний вид Лилы играет существенную роль. Мошенники думают, что Лиля видит их насквозь, и не решаются на свои проделки. Поэтому и дела у Лилы шли неплохо. Лиля говорит, что собирается отходить от дела, и передает свой бизнес зятю.

Места рядом с Лилой и Надей пустовали, видимо люди не решались беспокоить их своим вниманием, а теснились напротив, сгрудившись около гитары. Услаждали слух мудреца-старца и его красивой спутницы музыкой. Громко, хорошо поставленным голосом пел Витя Сентябрев. Не хуже, чем Розенбаум. Васильев, Медведев, Гена Квитко и другие подпевали хором. Гена Квитко совсем недавно защитил диссертацию. По сообщениям Слежкина очень волновался перед защитой. Вынужден был обратиться к женщине, которую можно назвать чародейкой. Она и сняла волнение. Гена хотел заплатить ей три тысячи, но она ограничилась суммой в 300 рублей. Хорошая женщина.

Кондратьев за столом в центре зала, метрах в пяти от микрофона, продавал свою книгу. Я позавидовал писателю. Вспомнил эпизоды из американских фильмов. В громадном книжном магазине сидит писательница и ставит автографы желающим, только что купившим ее книгу. Длинная очередь. Подходит молодой косматый человек с вызывающими рисунками на майке и протягивает книгу. – Как Вас зовут? – спрашивает писательница. – Том. – Том, что Вам написать? – Напишите, что я хороший. – Писательница открывает книгу и пишет: - Хорошему Тому от автора. Подпись. - Все очень просто, и не надо ничего придумывать. Трофимов был при гитаре и при деньгах. Тоже купил книгу Евгения Федоровича. Потом вышел к микрофону и исполнил несколько песен на английском языке. Думаю, что это были песни Джона Леннона, клубом имени которого руководит Трофимов.

Лазарь Моисеевич Фуксон восседал в другом конце зала со своей компанией. Математики, а это в основном женщины, громко не выступали, а шептались по-женски, обсуждая свои женские дела. В какой-то момент я увидел, как в зал входит моя первая жена Соня. На прошлой встрече 2002 года я попросил ее сфотографироваться вместе с ней. – А зачем? – спросила она. Я не нашелся, что ответить, а можно было бы сказать: на память. А тут оказался рядом Трофимов. – Соня, разреши, я сфотографирую тебя вместе с Трофимовым. - Разрешаю, - сказала Соня и улыбнулась. Она несколько не изменилась за эти годы, но прическа её под молодую Матю мне не понравилась, не видно красивого лица. Раньше мне нравились ее гладко убранные назад волосы. Но все это уже в прошлом. По мере развития событий в зале воцарялась обстановка полной эйфории. Люди обнимались и целовались. Физики с физиками, математики с математиками, потом физики с математиками, а потом и математики полезли целоваться с физиками, и только Соня не лезла ко мне. В моем присутствии две женщины по очереди подходили к Кондратьеву и признавались, что были влюблены в него. Неплохие женщины, а сорок лет назад они были еще лучше. Но что поделаешь? Не будешь же из-за этого теперь кусать локти. Да Кондратьев и тогда вряд ли бы воспользовался этим. Надо блюсти честь университетского преподавателя. Это только деятели культуры могут позволить себе некоторые шалости. У Слежкина история была гораздо хуже. В

него влюбилась его ученица, которая перед отъездом Слежкина из деревни, где он работал по распределению учителем физики, выбила на стене мемориальную надпись: «Здесь жил и работал Слежкин Василий Анатольевич». Слежкин сам замазывал текст цементным раствором. Потом я видел эту ученицу у Василия на кафедре, она перебралась в Калининград. Он разрешал ей иногда посмотреть на своего кумира. Мудрый Василий понимал, что с любовью не шутят, от любви девушка может решиться на крайний поступок.

Люди вели себя в зале, как хотели. Никто ни к чему не призывал, общие тосты больше никто не провозглашал, и я вздохнул с облегчением, что мне больше не придется выступать. Время утратило свою физическую сущность, в нем возникли дыры. Ко мне подошел один из наших однокурсников и спросил: - Володя, я слышал, что ты с Соней разводишься. У вас как, нормализовалось? – Можно сказать, что нормализовалось, - ответил я, - у неё ещё двое сыновей и у меня тоже двое сыновей, радиофизик и приборостроитель. – Рад за тебя. – Спасибо. - По залу ходил Витя Жернаков, в прошлом майор КГБ, а сейчас – сотрудник охранный агентства, по старой привычке следил за порядком, но не было необходимости делать кому-либо какие замечания. Было время, когда Жернаков курировал моего брата Веню, как моряка, и после их встреч Веня передавал мне привет, за что я Жернакову благодарен. Была охрана и от самого кафе. И она совершенно не мешала. Это были сравнительно молодые люди, которые с любопытством наблюдали, как общаются старики. Все узнали друг друга, и только одного человека нашего возраста никак не могли распознать. Спрашивали друг у друга, а это кто. Наконец, кто-то разъяснил обстановку: «Его Гречишкин с собой привез. Из какого-то города». Мужчина подошел ко мне: - Вовочка, не пей много горячего чая, у тебя лопнет мочевого пузыря, и ты ошпаришь себе ноги. - Рассказал анекдот, слышанный от меня, и я вспомнил его по работе в Научно-исследовательском секторе университета. – Наш человек, - сказал я. Анекдот сыграл роль пароля, который сработал через тридцать лет. Конечно, никто не был против его участия в нашей встрече.

Я помню время появления в университете Гречишкина. На двери его кабинета висела табличка «Профессор физики ...». Сочетание «профессор физики» показалось мне не русским, а американским. Таких табличек я раньше не видел. Я поднимался по лестнице на третий этаж и встретился с Вами, Сергей Борисович. Как бы извиняясь, что это не мое дело, я сообщил, что иду читать лекцию по этике. - Некому читать, - сказал я, - вот и приходится читать мне. – Вы тогда улыбнулись и, как бы поддерживая меня в моем извинении, сказали: - Да и я в таком же положении. Некого было назначить заведующим кафедрой, пришлось назначить меня. – А тут и Гречишкин идет. И Вы представили меня ему, как своего студента. Для меня это была большая честь. Гречишкина надо обязательно включить в книгу. А извинялся я тогда и потому, что мне казалось, что, занимаясь философией, я совершаю измену по отношению к физике. Никто меня в этом не упрекнул, но ожидание этого в своей книге я вложил в уста своего брата Вени и Слежкина.

Мне хотелось побеседовать с Кондратьевым, но обстановка в зале не располагала к этому. Кроме того, он постоянно был окружен женщинами, которые признавались ему в любви, а Трофимов, который тут же начал читать книгу, задавал вопросы по тексту. Все же нам удалось кое о чем поговорить. Остальное я домыслил. Кондратьев предложил мне в воскресенье 24 июня встретиться с краеведами и рассказать им о своей книге. Собираются они по воскресеньям под эгидой Государственного архива, с сотрудниками которого дружит Кондратьев. А еще раньше дружбу с ними завел Лавринович, когда собирал материал для своей «Альбертины». Мне стало понятным, как удалось Лавриновичу устроить в Госархив материалы Алексея Николаевича Хованского. Видимо, работники архива прониклись уважением к Лавриновичу, и ему удалось убедить их, что в случае с князем Хованским мы имеем дело с незаурядным человеком. Боюсь только, что материалы князя на четырнадцати языках мало кто сможет разобрать, даже в отдаленном будущем. Могу предположить, что самые сокровенные свои мысли он записал на санскрите, который может прочитать только последний ученик Хованского Андрей Игнатьев. Игнатьев учился в аспирантуре на историческом факультете, увлекся культурой Индии и принял ислам. Связи с ним у меня давно нет, я даже не знаю, закончил ли он аспирантуру. Я как-то писал ему рецензию на его перевод с санскрита «Девихагаваты пураны». И он поблагодарил меня. Переписывался Игнатьев с такой одиозной личностью как писатель Эдуард Лимонов. И Лимонов отвечал ему, из тюрьмы.

Выступление перед заинтересованными людьми мне совершенно необходимо. Среди краеведов могут оказаться люди, желающие и способные помочь мне в издании моей книги в Калининграде. Я заколебался. Это то, на что я надеялся, оказавшись здесь. Такой момент не скоро может повториться, а, может быть, никогда. Но воскресенье спланировано. Надо будет закончить пробивку вентиляционных каналов в сарае и помочь моему зятю Петровичу выправить памятник на могиле его матери. Святое семейное дело. Я впал в отчаяние, которое, впрочем, испытывал недолго, так как события на встрече продолжали развиваться.

Время от времени я задерживался около своей стенгазеты, ожидая вопросов, но всем и так было понятно, кто изображен. Кочубей, Лебле, Опекунов, Слежкин, Васильев. По окончании встречи мы с Василием эту газету забрали с собой, чтобы самим ее уничтожить. Все материалы имеются в компьютерах.

Зал арендован до 22 часов. Люди стали постепенно расходиться. Все были довольны. Кондратьев смотрел на уходящих людей. – Хорошие люди, - сказал он, - банкиры, бизнесмены, учителя, а физиков-

то настоящих нет. - Кондратьев, видимо, опять не пил и находился в плену своих мыслей о книге, посвященной калининградским физикам. Я испытал горечь правды в его словах и пошёл поделиться этой горечью со Слежкиным. – Евгений Федорович не прав, - сказал Василий. – В нашем выпуске есть, по крайней мере, один настоящий физик, - это я. – У меня есть все необходимые для этого документы и результаты в физической химии. - Тем не менее, проблема была обозначена. Очень хотелось быть физиком. При расставании со Шпилевым его окружили бывшие студенты, задавали вопросы вроде того, сколько Вам лет, оказалось, что 72, но я пробился и спросил: - Алексей Яковлевич, я занимаюсь аттестацией испытательного оборудования в Центральной лаборатории метрологии на железной дороге, могу ли я считать себя физиком? – Можешь, Володя, - с улыбкой ответил Шпилевой и поцеловал меня в щеку. Слово декана для меня многое значит. Опять провал во времени. – Как же так, - вопрошали участники встречи, - Шпилевому 72 года, ведь недавно было 32. Действительно, Шпилевой выглядит не хуже, чем сорок лет назад. Хорошо быть университетским преподавателем. Все время находишься среди молодежи, пропитываешься её духом и не стареешь.

Водки и закуски оставалось тем не менее ещё много. Мы забрали водку и немного закуски и вышли к быкам. Смеркалось. Я глянул на копыта быков, как настоящие. И вообще скульптурная группа выполнена на очень высоком, академическом уровне. Не зря она привлекает такое внимание. Уже много лет студенты разных вузов, а не только бывшего КТИ, считают за честь на пасху покрасить яйца быкам. И милиция не в состоянии предотвратить это действие. Следы краски были заметны и сейчас. Все стали рассуждать на эту тему, в частности, какой краской надо красить яйца. Кондратьев сказал, что, по его мнению, на пасху яйца надо красить красным цветом, а в другое время можно любым. Так как свою сестру я уже поддержал, в этот раз решил поддержать Евгения Федоровича. - Весьма разумное предложение, - сказала я.

Около быков мы продолжили фотографирование. Работали вспышки, фотографии получились неплохие. Разливали остатки водки, играли на гитаре и пели. Вели себя как студенты. Но прилично. Несколько раз мимо нас проезжал милицейский патруль, но никак не реагировал. Люди взрослые и ведут себя прилично. Одна из женщин в темноте продолжила признания в любви Кондратьеву, видимо, еще на что-то надеялась. Не буду называть её по имени, потому что она мне самому нравится. Фигура у нее как в девичестве. И я рад, что в течение нескольких минут удерживал её за талию. Слежкин, как ответственный за встречу, отслеживал, кто где, кто куда с кем уехал и где будет ночевать. Ни единым своим действием не торопил события. Все должно идти естественным образом. Мы осмотрелись, не оставили ли после себя беспорядок, все лишнее запустили в рядом установленную урну и в половине первого ночи разошлись. Среди других последним уходил Володя Трофимов. Очень умный человек, но в отличие от американцев, бедный во многих отношениях. На первом курсе как художественную литературу он читал книги по основаниям математики. А когда у нас в университете появился Малаховский и вел семинар по топологии для математиков, Трофимов, будучи физиком, посещал его и даже сдал зачет. По окончании университета Трофимов получил направление в аспирантуру, но музыка сгубила в нем физика. Вернее сказать, то, что связано с музыкой: рестораны, вино, карты и женщины. В Трофимове очень ярко соединились качества, присущие русскому человеку: талант и бесшабашность. На вечере присутствовала сестра Трофимова, которую я вспомнил, хоть видел ее у них дома за пианино 40 лет назад. Она сказала, что их мать умерла рано. Сестра говорила, что, несмотря ни на что, она любит своего брата. Наверное, она, как и моя сестра, подсознательно стремится заменить мать. Предполагаю, что она контролировала Трофимова, но Володя вел себя вполне достойно. Он много читает, всегда, читает вдумчиво и понимает больше того, что заложено автором. Очень хотелось уйти с ним, но я понимал, что это невозможно.

Напротив зоопарка мы посадили на такси Наташу Короленко и в час ночи оказались дома у Слежкина. Наташа работает учительницей, как ей казалось сначала, случайно. Но сейчас уже не представляет себя в другой роли. Разбирая домашние бумаги, она нашла письмо своей прапрабабушки, которая была учительницей и в письме своим потомкам по женской линии завещала, чтобы и они были учителями. Бабушка тоже оставила письмо своим потомкам по женской линии и также завещала, чтобы они были учителями. Теперь Наташе не остается ничего другого как писать такое же письмо. Рассказ мне очень понравился, он символизирует глубинную связь времен. Между людьми, которые уже не существуют и теми, кто еще не существует. Я вспомнил, как году так в 1939 энтузиасты такой связи заложили «бомбу времени» - капсулу из нержавеющей стали с предметами, характерными для XX века: граммофон с записями лучших музыкальных исполнителей, как символ культуры, винтовку с оптическим прицелом, как знак непрекращающихся войн, книгу с теорией относительности Эйнштейна, как высшее достижение человеческого гения, и ряд других предметов. Место захоронения «бомбы времени» сообщили всем крупнейшим библиотекам мира. Через 5000 лет, в 6939 году наши потомки, как мы надеемся, раскопают капсулу. Вспомнил я и анекдот, в свое время рассказанный мне Кочубеем. Анекдот такой. Когда очередной руководитель нашего государства пришел к власти, его встретил технический работник его кабинета и сообщил, что в этом помещении находится сейф с тремя конвертами. - И, если Вы почувствуете, что Ваши дела идут плохо, вскройте первый конверт, а потом второй и третий, по мере необходимости. Эти конверты содержат завещания прежнего руководителя. - Закрепившись во власти и почувствовав, что дела идут плохо, наш руководитель вскрывает первый

конверт. В письме написано: - Вали все на меня! – Через несколько лет пришлось вскрыть второй конверт. Там было указание: - Восхваляй себя! – Но государственные дела не улучшались, и пришлось вскрыть третий конверт. Там было написано: - Готовь три конверта.

Уже в Минске я пересказал Рае как психиатру Наташин рассказ и спросил, находит ли она в нём «синдром предков», так в психологии называют последовательность одинаковых событий в жизни разных поколений людей. – Несомненно, - сказала Рая. – Но надо учесть, что в XIX и XX веках профессия учителя была престижной, и предки думали, что такое положение дел сохранится навсегда, поэтому они и хотели, чтобы их потомки шли по их стопам, но времена изменились, и я бы не советовала Наташе обязывать своих потомков быть учителями, они могут попасть под влияние такой установки и отказаться от более престижных и высокооплачиваемых профессий. Но написать письмо потомкам нужно, пусть сохраняется эта традиция. Это интересно всем.

Но на нашем расставании у быков встреча не закончилась. Люди уже на своих местах в узком кругу продолжили встречу. Через четыре дня, во вторник 26 июня, провожая меня на вокзале, Слежкин рассказал, что только что помог выбраться из Калининграда одному из братьев Маршаковых. Участник встречи потерялся во времени и прибыл на вокзал на сутки позже установленного в билете времени. Слежкин, подобно великому русскому полководцу Александру Васильевичу Суворову, который считал, что война не закончена, пока не похоронен последний солдат, принимал все меры, чтобы все разъехались по домам. Я спросил у Василия, можно ли писать о Маршакове. – Можно, - сказал Слежкин, - пиши, Володя, обо всем, пиши всю правду.

Утром я проснулся, как это было и раньше, в большой комнате, стена которой была сплошь заставлена книгами. Библиотека Василия больше, чем у Александра Сергеевича Пушкина, библиотеку которого можно увидеть на некоторых картинах, о ней написано много книг. Слежкин привык к ней, а меня глубоко волнуют корешки давно прочитанных и изученных книг по общей и теоретической физике, и еще больше волнуют книги, которые мне уже никогда не прочитать: общий курс органической химии или еще страшнее: химия живых организмов. Много книг и журналов безвозвратно утеряны при переездах. Много лет Василий выписывал русский вариант журнала «Сайенс». Я до сих пор чувствую в руках его экземпляры. Такое полиграфическое исполнение нам тогда и не снилось. Думаю, что в редакции журнала работают сотни сотрудников, в том числе художников высокого уровня и тысячи людей в разных странах пишут для него статьи. Но надо было возвращаться к действительности.

- Сколько ты выпил на встрече? – спросил Василий. – Граммов двести с учетом того, что пили на улице. – А я – сто пятьдесят. – Опять, как и в случае с отъездом Кондратьева меня посетило чувство досады, но не надолго. Надо бы выпить меньше Слежкина, тогда встреча вызвала бы еще большее удовлетворение. Василий покормил меня для начала овсяной кашей с изюмом, сваренной как всегда на воде, а потом мы плотно позавтракали. Его жена Наташа угостила меня домашней наливкой, приготовленной отцом Василия, и сама выпила маленькую рюмку. Эта наливка только для того, чтобы ощутить ее вкус, ничего другого в ней нет, я имею в виду алкоголь. И это хорошо. За завтраком Василий сделал неловкое движение и почувствовал всё напряжение прошедших дней. За ночь он так и не отдохнул, на «лежачем полицейском» вблизи дома часа в четыре громынула машина, я тоже слышал этот грохот, но на меня как на железнодорожника он никакого впечатления не произвел, а Василий заснуть уже не смог. – Мне надо поспать, минут 45, - сказал он, - и я буду в полной форме. - Василий ушел, а Наташа принесла фотографии и рассказала об обычной жизни, свойственной также и Василию. Фотографии надо уметь смотреть, как и читать книги. Как говорил Шерлок Холмс после борьбы с доктором Мориарти, случайно оказалось, что я в совершенстве владею приемами джиу-джитсу. Так и я, занимаюсь фотографией с 1962 года, помню почти все свои снимки и очень люблю рассматривать чужие фотографии, особенно старинные, а на выставку фотографий Первой мировой войны, фотографы русские и немецкие, я ходил вместе с художником Славой Августинвичем. Это было большое событие в нашей жизни. Фотографии интересны тем, что дают возможность посмотреть те места, в которых мы не были, и почувствовать то время, когда нас еще не было на свете. Существует всемирная организация владельцев мобильных телефонов с фотокамерами. Можно попросить любого члена этой организации показать виды места, где он проживает, например, Гималаи или пустыню Калахари. Кроме всего этого, Василий – прототип моего героя, жизнеописание которого мне хочется продолжить. Фотографии действительно интересные, и вызывают всякие мысли. Много фотографий внучки Насти. Исключительно красивая девочка. Истинный ангел, так и хочется пририсовать ей крылышки, что и делают некоторые художники. Наташа рассказала страшную историю. Как-то Настя ехала в автобусе со своей мамой Таней, дочерью Наташи. А в автобусе – никого, кроме нескольких весьма подозрительного вида мужчин, уголовники, не иначе. Посмотрели они на Настю, а один самый страшный подошел и низким, хриплым голосом спросил: - Это твоя девочка? – Моя, - ответила Таня. – Знаешь, что бывает с такими девочками? – Знаю, - испуганно ответила Таня, хотя никакие мысли ей в голову в это время придти не могли. - Береги её, - сказал уголовник и сел на свое место. После такого разговора Таню затрясло, а меня затрясло после рассказа Наташи. Эта история имеет глубокий философский смысл. Человек, в том числе и ребенок не может вечно пребывать в счастье, а то, что Настя пребывает в добре и счастье, я несколько не сомневаюсь. Я желаю Насте, чтобы ее состояние продолжалось как можно дольше, всегда, вечно. Но, как показывает жизнь, это невозможно. Предполагаю, что здесь мы имеем

дело с каким-то фундаментальным физическим законом, препятствующим достижению вечного счастья. Вы, конечно, будете смеяться на до мной, Сергей Борисович, как говорится в одном еврейском анекдоте, но я подозреваю причину этого в энтропии. Энтропия мне никогда не нравилась. Энергия – хорошо, импульс – неплохо, но энтропия, особенно растущая, ни к чему хорошему не ведет. Я подумал, что Настя мне кого-то напоминает, взгляделся – а это Наташа. Вот откуда берутся красивые девочки. Раньше я как-то не обращал на это большого внимания. Есть у Василия жена, вот и хорошо. Устраивает его – прекрасно, хорошо относится ко мне – чудненько, а тут вдруг понял, что она имеет вполне самостоятельное значение. И сестра её тоже красивая женщина. Открытие не большое, но оно меня порадовало. Были и другие фотографии, но если рассказывать и о них, места не хватит. Пусть они останутся в моей памяти.

Ровно через 45 минут отдохнувший Василий опять оказался в нашем обществе. Времени было далеко за полдень, мне надо было ехать в Переславское. Надо было говорить последние слова в нашей встрече. Я видел весь объём работы, которую проделал Василий, собирая однокурсников. Участников было около 80 человек. Со всеми надо было переговорить, собрать деньги и всех вести, так как было изменение в дате встречи. Кого-то надо было уговаривать, так как некоторые люди пребывали в своих проблемах и не могли принять участие, как, например, первая жена Кочубея Вера Изосимова. К счастью, таких было не много, что и показал энтузиазм встречи. Василий тратил свое драгоценное время и средства на телефонные разговоры с другими городами, на Интернет, на поиски людей. И всех не нашли, но и это не омрачило встречи. Я сказал нужные слова Василию от всех наших участников и дополнительно похвалил его высокие моральные и деловые качества. Еще раньше я говорил Шпилевому, что вот таких людей как Василий Слежкин надо вводить во власть. Я это говорю не потому, что он мой друг, и я буду с этого что-то иметь, а потому, что мне за Россию обидно, хоть я и живу в другой стране. Больно видеть и знать, что мошенники определяют судьбу нашей Родины, а значит и судьбу всех нас. В ком я могу быть уверенным, так это в Василии, он примет правильное государственное решение.

Василий выслушал мои слова. – Правильно ты все говоришь, Володя, действительно у меня есть высокие качества, но есть люди, которые обладают ими в ещё большей степени.

И принес мне две книги Анатолия Андреевича Герасименко, с которым Василий познакомился на научной конференции, и который является одновременно полковником (в отставке), доктором технических наук и профессором, автором двухсот изобретений, мастером спорта по сверхмарафонскому суточному пробегу, кандидатом в мастера по альпинизму, соответственно, «снежным барсом», и крупнейшим исследователем творчества и жизни великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. Одну книгу Василий вручил мне, её я и почитал уже в Минске. Герасименко изучил Лермонтова вдоль и поперек, знает каждую его строчку и каждый рисунок, каждый прожитый им день, его друзей, а весь свой темперамент обрушил на его врагов. И если бы они знали, как он их бичует, называет по именам и бьет не в бровь, а в глаз, они бы в гробу перевернулись. Если бы Мартынов не убил Лермонтова, о нем никто бы ничего не знал, а сейчас он известен каждому школьнику. Слава Герострата, который сжег Александрийскую библиотеку, чтобы прославиться. Обидно, что Герасименко невольно продлевает «славу» Мартынова, но здесь уже ничего не поделаешь. В общем, Герасименко действительно выдающаяся личность, и я рад, что у Василия есть такие друзья. – Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты, – говорили мои любимые древние римляне.

В субботу я вернулся в Переславское довольно поздно и решил вентиляционными каналами не заниматься, просто отдохнуть. Но мысль о возможной встрече с краеведами, которую мне мог устроить Кондратьев, меня не покидала. Я не ответил ему отказом, оставил все в неопределенности, то есть ещё можно с ним связаться и пойти на встречу. Рассказать о себе, о книге, просто пообщаться. Краеведами просто так не становятся, должен существовать глубокий внутренний интерес к истории своего края. Они владеют информацией, собирают ее, публикуют. Я читал их публикации в альманахе «Квадрат», который вела Ира Кузнецова, когда она была в команде губернатора и вела дела по науке и культуре. А моя книга им в тему. Я тоже интересуюсь родным краем и изображаю его в своей книге. В воскресенье должна приехать Ира, с её мужем Петровичем мы сходим на кладбище и поправим памятник его матери. Святое дело. Все спланировано. В каком часу собираются краеведы? Может быть, успею и туда и сюда? Предложение Кондратьева – реальная помощь в моём деле. Такое предложение надо ценить. Но измени план, Ира начнет возмущаться. Она и без изменения плана будет возмущаться, но с изменениями – еще больше. Совсем как мать.

Помню, собрался я как-то в субботу ехать в библиотеку писать диссертацию. Мать – в слёзы, канализация забита. Нет бы сказать ей, сходи в огород, но я с утра пошел к водителю пожарной машины. – Сколько у тебя атмосфер? – Шесть. – Мало. Канализацию не продадим. – Водитель обиделся за свою машину: - Ничего не мало. В руках не удержишь. – Сколько надо, если попробовать? – Бутылку. С тебя больше не возьму. А, если хочешь знать, такой выезд не менее 50 рублей стоит. И то, если начальство разрешит. Важный военный объект, храним топливо для всего Балтийского флота и стратегической авиации. Случись что, всех повесят. И начальство, и меня, и тебя. Пока будем давить твою канализацию, все топливо сгорит. И от поселка ничего не останется, одни угли. – Во сколько подъедешь? – Ничего определенного сказать не могу, как получится. Жди.

Я снял унитаз и принялся ждать. Водителю нелегко. Надо придумать легенду с поводом на выезд из гаража. Каждый выезд отмечается в журнале, такие правила. Надо, чтобы легенда была правдоподобной, чтобы в нее поверило начальство, или сразу сказать, куда еду, и привезти бутылку в гараж. Распить с начальником, а он сам придумает легенду.

Машина не приезжала, и я уехал писать диссертацию. По возвращении домой мать рассказала обо всех ужасах, которые она пережила. Водитель приехал, а так как меня не было, он предложил матери, семидесятилетней худенькой старушке, держать в руках брендспойт. Сам пошел к машине и включил насос. Брендспойт вырвался из рук и загулял по всему туалету. Все было залито водой. Я был в страхе: а если бы мать погибла от удара брендспойтом? Много ли ей надо? Как жить после этого? Какая тут диссертация, если в доме такие вещи творятся!

В воскресенье я встал в шесть утра, выпил кофе и занялся вентиляцией. В понедельник будет некогда, надо ехать с Тихомировым фотографировать средний рыболовный траулер, последний в Калининграде а, может быть, и в мире. Проснулся племянник Максим, и я попросил его очистить карту в фотоаппарате, сбросить все фотографии на флэшку. Надо все предусмотреть, сын Саша настроил фотоаппарат на 470 кадров, я не переживу, если окажется, что в памяти нет свободного места. Встрече однокурсников я отводил 80% своего технического задания на поездку, а на съемку траулера – 20. Но и это были большие проценты. Все остальное шло сверх плана, включая вентиляцию. В одиннадцать часов, как мы и договаривались, подъехали Ира с Петровичем, Ира осталась в доме, а я с Петровичем, загрузив в багажник ведра, ломы и другой инструмент, поехали на кладбище. Петрович знает места, и мы встали недалеко от могилы его матери. Переславское кладбище с точки зрения стоимости поставленных памятников выглядит внушительно, но все заросло травой, а по ночам нелегально здесь хоронят людей из города, чтобы не платить за место. Часа за полтора мы справились с работой, Петрович остался полоть траву, а я пешком пошел домой. Десять минут хода. И сразу же продолжил долбить вентиляцию, племянник Максим помогал мне, заодно и порядок во дворе наводил. Сестры в доме готовились к обеду.

Говорят, что на хорошей свадьбе должна быть драка. Есть даже такой анекдот: приходят на свадьбу здоровенные люди и спрашивают, драку заказывали? Нет? Тогда платите за ложный вызов. Так и у меня в эту поездку не обошлось без инцидента, который, как я надеюсь, не омрачил мое общение с родственниками, а скорее, оставил доброе воспоминание. В первые дни моего пребывания в Переславском мы шли с Тихомировым по поселку, обнявшись, как в молодости, после принятых нескольких граммов водки. И повстречали двух сестер, которые учились у меня в Переславской школе в седьмом классе. Мы и потом общались, здоровались и даже ходили на озеро. Среди них была и их подруга Таня, которая мне нравилась, и, когда она уже в свои семнадцать лет проходила мимо меня и улыбалась всем ртом, я с нежностью думал о ней: - Помнит красавица своего старого доброго учителя физики. - Поскольку это было 35 лет назад, был я тогда ещё не очень старый. Как-то само собой получилось, что мы договорились о встрече, и я попросил пригласить на встречу и Таню. Встречу запланировали на воскресенье на 20 часов. Я рассчитывал, что к этому времени родственники разъедутся, и я буду свободен. Сейчас в Переславском есть несколько мест, где можно попить пива, и моя племянница Таня Сапрыкина вместе с подругой Женей и ее мужем угощали меня пивом в павильоне около бывшего сельмага, что было очень приятно для меня, и я был рад, что ещё сохраняю способность общаться с молодыми людьми. А можно и просто прогуляться на озеро. Женщины появились в середине дня, ярко раскрашенные и, как мне опять показалось, самая выдающаяся из них, а проще говоря, красивая, была Таня. Я пробивал вентиляционные каналы, был в пыли, и если быть честным, а я к этому стремлюсь, и этому меня учит мой друг Василий Слежкин, мне всё это страшно надоело. В таком же состоянии находился и племянник Максим. Появление женщин спасало нас от работы. – Дядя Володя, - сказал Максим, заводи их в дом, – а сам сел в свою машину и уехал на море. Пока я ходил в душ и переодевался, сестра Ирина, она как мать, разбиралась с женщинами. Когда я вышел к ним, состоялся приблизительно такой разговор. – Володя, тебе скоро шестьдесят лет. Как ты можешь встречаться с тридцатилетними женщинами? (Как будто с тридцатилетними женщинами встречаться хуже, чем с шестидесятилетними). Признайтесь, - обратилась она к женщинам, - ведь вам действительно по тридцать лет, ну пусть, с небольшим хвостиком. – Таня повернулась ко мне: - Если быть честной, то надо признаться, Владимир Васильевич, что у меня не хвостик, а хвостище. – Таня сохраняет свой первозданный юмор, что меня радует. Я повёл гостей в дом, Ира завела меня в комнату: - Как тебе не стыдно! Встречаться с женщинами! А родной сестре к тебе не пробиться. Поговорить некогда. То у тебя Кондратьевы, то женщины. – Слежкина она знает, а вот Кондратьева видела в первый раз. - Ира, это не женщины, это мои ученицы из седьмого класса. Пришли навестить своего старого учителя. Это же святое дело. И я навещаю своих учителей, своих преподавателей. Это нормально, мало того, это хорошо. Это честь для меня. Они посчитали возможным сделать это. Они – хорошего мнения обо мне. И это надо ценить. Но Ира уже находилась в трансе, бросила кепку в кресло: - Петрович, поехали отсюда! – Петрович после исполнения сыновнего долга вполне мог рассчитывать на обед, но она и Петровича не пожалела.

Надо сказать, нам это было на руку. Младшая сестра Люся занялась своими делами и оставила нас одних. Мы распили бутылку шампанского и фляжку коньяка, которые женщины принесли с собой, настроение у нас поднялось, и мы занялись воспоминаниями. – Скажите, Владимир Васильевич, честно,

что я была тогда душой. – Нет, Таня, так я не могу сказать тебе, как бы ты меня об этом ни просила, и как бы мне ни хотелось выполнить твою просьбу, потому что ты была умницей. – Таня хорошо подготовилась к встрече, принарядилась и привезла фотографии своего солидного мужа и симпатичных детей. В поселке люди многое знают друг о друге. И почти все – родственники. Вернее сказать, свойственники, так как родство идет за счет браков. Тихомиров стал мне родственником за счет того, что его двоюродная сестра Алла вышла замуж за брата моей жены Раи. Таня является двоюродной сестрой сыну Тихомирова, который умер и похоронен на Переславском кладбище. Так что и Таня является мне родственницей, а вернее сказать свойственницей. Вместе с мужем она успешно ведёт предпринимательские дела, и мне кажется, у неё всё есть для счастья, а если и не хватает чего, так это дружбы с каким-нибудь писателем. Вскоре мы встали из-за стола и пошли на прогулку по поселку. Фотографировались на фоне елей и хорошо оформленных палисадников. По дороге зашли к Тихомирову, и он подтвердил свою готовность ехать завтра в Рыбный порт. Если бы Таня читала мой роман, я мог бы вообразить себя Бальзаком, а её – княгиней Ганской, которая начиталась его романов и вступила с ним в переписку, потом их венчали в Белой Церкви, так называется город на Украине, потом Ганская поняла, что это за человек, и они расстались. Но Таня только что взяла в Переславской библиотеке единственный экземпляр моей книги. Надеюсь, что она её прочитает. Люсины дочь Таня Сапрыкина сбросила фотографии на Танину флэшку. Фотографии были неплохими. Они будут хорошим дополнением к нашим фотографиям тридцатилетней давности. Я уже привык к тому, что выгляжу на фотографиях ужасно: маленький, лысый, сморщенный старик, но надеюсь, что Таня меня таким не увидит, а увидит только себя, красивую. Потеряв возможность встретиться с краеведами, я встретился с Таней.

Вечером Люся по телефону связала меня с Ирой, и мы объяснились. Ира к этому времени успокоилась, но я всё же сказал ей, что я не могу принадлежать только ей одной, у меня более сложные отношения с людьми, и я принадлежу многим. Через день мы ещё раз переговорили с Ирой, и мне кажется, между нами все установилось как обычно. Разумеется, вспышка Иры была не случайной, и я понимаю, почему так произошло. Не женщины виноваты, а я сам. Ира третий раз общалась со мной за этот мой приезд в Калининград, но так и не услышала главные слова, которые я должен был ей сказать. Это слова о её погибшем сыне Саше. Я должен был прямым текстом сказать, что её сын Саша – самый умный, самый красивый, самый порядочный человек на свете. И это правда. Саша погиб, как говорил Веня, как герой. При восхождении на гору Бейкер недалеко от Сизтла. Он был страстным альпинистом высокого уровня и работал в США программистом, как и у Нади Грицины. Так что Надя не одинока в своем горе. Я помню его очень интересное письмо о переезде из Чикаго в Сизтл на машине. Он с удивлением отмечал, что США – малонаселенная страна. Центральные и северные штаты – непроходимая тайга, бурелом. И только восточное и западное побережье представляют собой сплошные города. А я не сказал о Саше ни в свой день рождения в воскресенье, ни во вторник в Зеленоградске, а теперь вот и женщины помешали. Не помешали бы женщины! Можно было и после женщин пообщаться, я бы сказал эти слова. – Я хотела с тобой поговорить, а вы «только пили и жрали». – Петровичу, видимо, тоже досталось.

Я читал лекции по этике. Конечно, кое-что читал из литературы и знаком не только с христианской этикой, на которой базируется этика в цивилизованных странах, но и с поведением людей в буддийских монастырях и тоталитарных сектах. Современное представление о правильном поведении стоит на том, что все люди равны, и никто не должен приносить себя в жертву другим или другому. Мать, как бы она ни любила своего ребенка, не должна жертвовать собой ради него, должна продолжать жить своей жизнью. А ребенок не должен принимать мать в виде жертвы. А если такое и происходит, то, как правило, идёт не на пользу ребенку, а во вред. Саша Буланов был настолько скромным человеком, что никогда ни к кому не предъявлял никаких претензий, никогда и никого ни о чем не просил, за исключением самого необходимого. Он терпеть не мог создавать кому-либо проблемы. Я думаю, что меня бы он не осудил. Бывает и в нашей жизни, когда люди должны жертвовать собой, но это в особых случаях. Я служил в саперном полку, и мне дважды приходилось учиться на курсах подрывников. Старый опытный майор разбирал ситуацию, кто должен идти на разминирование установленной на неизвлекаемость мины. Если послать кого-то по приказу, тот пойдёт и будет думать: послали на верную гибель, суки, и подорвётся. Идти должен доброволец, чтобы показать свой высокий профессионализм. Ему и предстоит не жертвовать, а рисковать собой. А там уж как получится. Такие мысли были в моей голове в воскресенье вечером, а в понедельник утром мы поехали с Тихомировым в Рыбный порт.

Мы заказали пропуска после длительных переговоров и поисков ответственных людей, вышли из проходной, чтобы дождаться результатов и перекурить, и увидели двух молодых пьяных моряков с большими сумками. Моряки пытались пройти в порт. – Саша, живы еще мореманы, - радостно сказал я Тихомирову. Шурик тоже порадовался. Вспомнились старые добрые времена, когда и мы тоже были моряками.

Около СРТ ходил немолодой человек, который внимательно рассматривал встречающиеся на его пути предметы, лежащие на берегу ящики с оборудованием. На судне два деда красили трап. Я обратился к человеку и рассказал о своей проблеме, показал свою книгу и Венину публикацию в

альманахе «Балтика».- Знаю я Опекунова Винера Васильевича, это мой капитан. Снимайте, что хотите. Я – заместитель начальника портофлота. Мужчина назвал свою фамилию, и я записал ее.

Тихомиров остался на причале, а я прошел по окрашенному трапу на траулер. Деревянный настил был сорван, голое железо под ним было окрашено зеленой краской. Снаружи все казалось в приличном состоянии, но, поднявшись по вертикальным трапам на верхнюю палубу, я увидел, что все деревянные детали сгнили. Чтобы выставить судно как музейный экспонат, над ним придется серьезно поработать. Я заснял всё, что можно было увидеть с разных мест и под разными углами. Спуститься в каюты или зайти в рулевую рубку не удалось, все заставлено бочками с краской и каким-то оборудованием. Но для тех сюжетов к рисункам, которые Веня оставил в качестве задания художникам, материала должно хватить.

Вечером к нам приезжала Люсина подруга Люся Лазарева из Светлогорска. Мое появление в доме было поводом, чтобы встретиться им самим. Они сели за стол без меня, пока я занимался вентиляционными каналами. Потом я присоединился к ним. Последние фотографии у дома и последние объятия, в том числе с моей любимой племянницей Таней. Завтра я уезжаю. Тихомиров, минуя многочисленные пробки, доставил меня на вокзал. Шел дождь. В гипермаркете я купил своим детям немецкого оригинального мюнхенского пива и вяленой рыбы. Слежкин под дождём приехал на велосипеде. Мокрый. Мы обнялись. Слежкин и Шурик махали мне рукой. Было тоскливо, но это была моя лучшая поездка в Калининград.

Я буду ждать год, а когда приеду, попрошу Евгения Федоровича, чтобы он познакомил меня с краеведами. Может быть, что и получится. А, может быть, он сделает за это время свою новую книгу, и я увижу в ней свою фамилию. Это же здорово!

Пиво заказывал Саша, но когда я сказал, что Таня передавала детям 200 рублей на пиво, Андрей заявил о своих правах: - Две бутылки мои!

Я поехал провожать Андрея на автобус в аэропорт. Вместе со своей девушкой Наташей он летит в Болгарию. Около автобуса я познакомился с матерью Наташи. Обнял Андрея, потом Наташу. Чтобы обняться со мной, ей пришлось низко наклониться. Высокая девушка. Мать Наташи проводила меня до метро. – Я не вмешиваюсь в личную жизнь своей дочери, - сказала она.

Приехал домой. Саша готовился к последнему экзамену, по схемотехнике. – Ну как? – спросил он. – Солидная женщина, - сказал я о матери Наташи. – На «Мерседесе приехала?» - спросил Саша. В голове у него одни автомобили. – Нет. Я имею в виду ее внешность.

Несколько раз выезжал на дачу, там все заросло сорняками. Картошки не видно. Кое-что из сорняков выдернули. Яблоков и слив не будет. Но очень много малины. Особенно за пределами участка, рядом с колхозным полем. Ее так много, что всю и не собрать. И никому она, по большому счету не нужна. Варенье, как раньше, не варим, потому как вкусы изменились, и никто его не ест. Заморозим немного на зиму, да теще отвезем. Машиной не занимался, руки не доходят, ездим на дачу на автобусе. Завтра у меня заканчивается отпуск. На этом, Сергей Борисович, желаю Вам и вашей семье крепкого здоровья и успехов. И хорошего лета.

Ваш ученик
9.07.07

Володя Опекунов

Письмо писал в несколько подходов, между делами, поэтому дата начала письма и его окончания не совпадают

Моё письмо Володе Опекунову от 12 июля 2007 года

Добрый день, Володя!

Спасибо за описание Вашей поездки в Калининград, читал с большим удовольствием. Как обычно, вставляю Ваши письма в свои "Записки". Надеюсь, что Вы не возражаете против их появления в Интернете через какое-то время. Я три дня как вернулся из Италии и исполняю до конца июля обязанности ректора. Как только опишу для своих "Записок" впечатления о поездке, вышлю Вам. Пока сообщу только, что я был в Перудже - главном городе провинции Умбрия, расположенном в самом центре Италии примерно посередине между Римом и Флоренцией, и погулял также по соседним очаровательным древним городам Ассизи (откуда Франциск Ассизский) и Пассиньяно. Обгорел там, а теперь мёрзну в Мурманске. Июньская рыбалка мне не удалась, поймал только одну сёмгу и семь сошли, не смог вытащить.

Ваш ААН